

Е.М. Сергеев

Взгляд сквозь годы. Воспоминания

(Продолжение. Начало в ИГ1–2/2016.)

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) —

крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геозкология: инженерная геология, гидрогеология, геоэкология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

Глава 6 На Дальнем Востоке

Оказалось, что отъезжающим на работу на Дальний Восток полагаются подъемные. Я принес домой больше тысячи рублей. Никогда не забуду, как отец сказал:

— Первый раз в жизни вижу столько денег сразу. За что же тебе их дали?

— Не знаю. Так подсчитали в бухгалтерии. Тут и стоимость билета, и оплата провоза багажа, и еще что-то.

Но почувствовал я себя перед отцом неловко. Никогда не думал о том, какие расходы у родителей, бюджет наш был весьма скромным.

— Ну, если ты такой богатый, — говорит отец, — я тебе билеты по брони Совнаркома на скорый поезд достану Негорелое — Владивосток. Это лучший поезд у нас в стране. Недаром идет за номером первым. Я учился вместе с Горбуновым, а он теперь управляющий делами Совнаркома. Говорил мне: если что нужно будет — скажи. Ты знаешь, я не любитель просить. А для тебя бронь попрошу.

— Папа, но ведь мне и для Шуры надо. Мы вместе поедem.

— Да, конечно. Я это и имел в виду.

И вот нас провожают на Ярославском вокзале. Поезд Негорелое — Владивосток до Хабаровска шел десять суток. У нас купейный вагон. В купе помимо нас

с Шурой еще двое: советский дипломат, переезжающий на работу из Берлина в Токио, и участник Гражданской войны, воевавший в Забайкалье и на Дальнем Востоке, который назначен в Хабаровск директором завода. Дипломат рассказывает о Германии, о набирающем силу фашизме (это ведь был июнь 1932 г.). Показывает томик Пушкина, изданный в Берлине на русском языке. Наверное, это было последнее довоенное издание Пушкина в Германии.

Другой наш спутник молчалив. Он оживился только за Байкалом. Вспоминает места походов и боев, ахает, когда видит вновь построенные заводы.

Поезд летит как сумасшедший (так нам тогда казалось), вагоны бросает из стороны в сторону. Остановки только в крупных городах. Пассажиры торопливо идут на вокзал за газетами, за сувенирами.

Из окна поезда разглядываем Сибирь. Большое впечатление оставил величественный Байкал. Проезжаем станции Сковородино, Магочи. Начало июня, а в этих местах еще холодно. Весна только начинается. Проводник говорит:

— Бог создал Крым и Сочи, а черт — Сковородино, Магочи.

Мы все едем и едем. И все больше осознаем, как далеко остались наши семьи. В дальнейшем мы регулярно ездили из Хабаровска в Москву в отпуск, и с каждым разом путь нам казался короче и короче. Хотя из Хабаровска мы не могли ехать скорым поездом (в свободной

продаже билетов на него не было), а ездили ускоренным, который по расписанию шел до Москвы двенадцать суток. Впрочем, опоздания были большие. Один раз мы опоздали на трое суток.

Попадались интересные, хорошие соседи, и ехать с ними было приятно, время проходило быстро. Но, когда в купе оказывался пьяница, да еще скандальный — поездка становилась мучением.

Доехали до Хабаровска хорошо. Сдали вещи в камеру хранения и отправились разыскивать Дальневосточный геолого-гидрогеодезический трест.

Управляющим трестом был Ермаков, главным инженером — Михаил Николаевич Беккер. Оба встретили нас приветливо. Ведь мы были первые ласточки из Москвы. Вслед за нами подъехали и другие ребята.

Хабаровск нам понравился. Замечательная панорама открывалась из городского сада, расположенного на мысу, против впадения Усури в Амур, чувствовалась мощь обеих рек. За ними горы, покрытые лесом, — хребет Хикцир.

В городе тогда было много китайцев. Занимались они мелкой торговлей и разной подсобной работой. Стакан семечек стоил «рюбль». «Рюбль» — это была самая распространенная цена на продававшиеся товары. Много китайцев работали носильщиками. Несмотря на жалкий, изможденный вид, они обладали большой физической силой. Мы с Шурой были поражены, увидев на улице китайца, несшего на спине шкаф, наверху которого была укреплена кадка с фикусом.

Еще в поезде договорились с Шурой, что в Хабаровске объявим себя мужем и женой. Иначе могут послать в разные экспедиции, а мужа и жену разлучать не будут. Так мы и сделали. Нас обоих зачислили в экспедицию, которая работала в низовьях Амура, в районе озера Кизи. Несколько дней нам давалось на сборы. На базе не было сапог. Их надо было самим купить на рынке. На толкучке я облюбывал себе пару, как мне казалось, прекрасных иссиня-черных сапог с новыми подбитыми подметками. Поторговавшись, купил их и счел, что обувью на время экспедиции обеспечен.

База экспедиции находилась в селе Мариинском, недалеко от озера Кизи.

Доехали мы до Мариинского хорошо. Амур оставил на всю жизнь незабываемое впечатление. Величавая, мощная река. По правому берегу круто поднимаются вверх залесенные сопки Сихотэ-Алиня, а слева раскинулась широкая пойма с тысячами озер и речушек. Деревни встречались по обоим берегам. В заливе, на левом берегу стояла небольшая деревня Пермское. Пароход сделал около нее остановку. На берег сошли немногочисленные пассажиры, выгружались кое-какие грузы. Слышим разговор:

— Здесь будет строиться Комсомольск.

Никакого впечатления это сообщение тогда не произвело.

На экспедиционной базе в Мариинском нас встречали: начальник экспедиции, его заместитель по административно-хозяйственной части и наш одноклассник по техникуму Шагинян. Сразу было решено, что Шура остается камеральничать на базе, а я во главе топографического отряда буду вести мензурную съемку масштаба 1:100 000. На этом мас-

штабе мы как раз работали во время производственной практики, и поэтому казалось, что ничего сложного в этом нет. Но так только казалось. Во-первых, участок работы был труднодоступным. Надо было на двух лодках подняться против течения по Амуру, от Мариинского до озера Кизи, пересечь озеро, а ширина его превышала 20 километров, найти устье реки Яй (в переводе с нанайского — змея) и подняться на шестах больше пяти километров до просеки, по которой проходила телеграфно-телефонная линия, соединявшая бухту Де-Кастри на Татарском проливе с селом Софийским на Амуре. По просеке следовало еще пройти двадцать километров по направлению к Де-Кастри.

Весь этот путь мы и проделали с отрядом, который состоял из меня и шестерых рабочих. К сожалению, среди них не было ни одного местного жителя. Все это были люди, приехавшие на Дальний Восток за длинным рублем. Только двое работали раньше в экспедициях. Поэтому рассчитывать надо было только на себя. А у меня в восемнадцать лет знания и опыт были небольшими.

Но добрались мы до своего участка благополучно. Страшно было переправляться через озеро Кизи. Волна большая, захлестывает лодки. Берегов не видно. Ориентировка по компасу. Но мы могли убедиться, какими замечательными ходовыми качествами обладают нанайские лодки, с виду такие примитивные и ненадежные.

Я думал, что река Яй называется так потому, что она вьется, как змея. Но оказалось, что она получила свое название от большого количества змей, живущих по ее берегам. То и дело можно было видеть змею, переплывающую реку, а на отмелях они грелись на солнце, свернувшись в клубок по нескольку штук. Зрелище было не очень приятное.

Мы достигли телеграфной линии. Втащили и замаскировали лодки. Взвалили рюкзаки и другой груз на плечи и двинулись по просеке на восток.

В первом же болоте я почувствовал, что у меня в сапогах вода. Вылез из болота, взглянул на ноги и не узнал своих новых сапог. Их иссиня-черная окраска исчезла, они стали старыми, серо-бурыми, искусно замаскированные заплатки отвалились, и на левом сапоге зияли большие дыры. Новых подметок как не бывало. Вместо них старые тоненькие, тоже дырявые. А ведь мне предстояло проработать в этих сапогах в тайге три месяца.

Тайга на меня произвела тяжелое впечатление: непроходимый хвойный лес, бурелом, мхи. И тишина. Иногда тайга вдруг оживала. Попадались участки, где прошли когда-то лесные пожары. Хвойные деревья здесь выгорели, и их место заняли привольно разросшиеся березки. Высокая трава. Огромные крепкие подосиновые красные грибы, которые здесь никто никогда не собирал. Здесь и ягоды. А потом опять мрачный лес, где не слышно птиц, где в солнечный день стоит полумрак, лес, который хочется назвать безжизненным.

Недалеко от просеки, у речушки мы разбили свой лагерь. Расчистили место для костра, оборудовали места для умывания и мойки посуды. Повыше, метрах в десяти, поставили палатку. Рядом на деревьях устроили настил для продуктов.

Наварили ведро полусупа-полукаши и с аппетитом всемером его уничтожили. Пошел моросящий дождь, из палатки не вылезешь. Тесно. Кусаются комары. Усталость взяла свое — заснули.

Посреди ночи меня будит рабочий:

— Евгений Михайлович, медведь пришел.

Вылезаю из мешка. Прислушиваюсь. Хорошо слышны шаги, сопенье. Загрело ведро, звякают миски. Мишка их обследует.

Беру свое двуствольное ружье. В патронташе нащупываю патроны с жаканами. Вставляю их. Взвожу курки и выглядываю из палатки. Ночь темная, хоть глаз выколи. Сначала решил, что буду стрелять только в том случае, если медведь пойдет к палатке. Стрелять в упор, а так — лучше не трогать. Потом передумал. Вынимаю патрон с жаканом, вставляю обычный патрон с дробью и стреляю в воздух. Сразу же слышим треск сучьев, шум убегающего медведя. Утром по следам установили, что он был не маленький. Чтобы покончить с медвежьей темой, скажу, что их не так много падалось на нашем пути.

Наш участок был не только труднодоступным и труднопроходимым, но еще и очень сложным для мензуральной съемки. Триангуляционные пункты стояли на гольцах, на наиболее высоких сопках. Добраться до них было нелегко, так как между тайгой и гольцами обычно шла полоса стланика — стелющегося кедра, пробираться через который было мученье. Довольно часто приходилось прокладывать себе дорогу топором. И все же мы радовались таким оголенным сопкам, потому что обычно вершины не были покрыты таежным лесом. На других сопках, чтобы хоть что-нибудь увидеть, приходилось прорубать просеки, как в Карелии. Даже для того, чтобы просто ориентироваться на местности, надо было лезть на дерево. Бывали дни, когда раз десять, а то и больше приходилось влезать на деревья высотой двадцать и более метров. Самыми коварными были лиственницы. Внешне они такие привлекательные — толстые, развесистые сучья. Лезь себе спокойно, как по лестнице. А на самом деле сучья у них очень хрупкие. Два раза чуть не разбился. Лезть на лиственницу надо осторожно, ногу ставить на сучок как можно ближе к стволу и стараться не очень передавать на нее тяжесть. Вот ель — другое дело. Ветви гнутся, а не подведут.

Заедали комары, мошка, от укусов опухали лица, заплывали глаза, потом мы научились повязывать головы так, что открытыми оставались только глаза, нос и рот. Научились и накомарник из марли натягивать так, чтобы можно было ночь проспать спокойно. И над ним балаган сделать из коры от дождя. Климат ведь муссонный — лето дождливое.

Ориентироваться в тайге было трудно. Случалось, попадали не туда, куда надо. В таких тяжелых условиях приходилось отступать от инструкций и по существу проводить полуинструментальную съемку. При этом точки стояния были редкими, через три-четыре километра.

К концу подходил второй месяц нашей работы в тайге. Наступал срок, когда красноармейцы должны были привезти нам продукты. Мы отправились к своей палатке с надеждой, что они уже там. Приходим, никого нет. Сварили последнее пшено с последней солью.

Похлебали супчик и улеглись спать с полной уверенностью, что продукты привезут завтра. Утром попили один чаек. Ждем. Никого. Пошли набрали грибов. Пытались их жарить на палочках, как шашлык, но без соли есть нельзя. Переключились на ягоды. Подстрелили двух рябчиков, общипали, поджарили и съели без соли. Но на этом и патроны с дробью кончились.

Второй день ожидания. Живем на голубике. Утром на четвертый день я принял решение свертывать лагерь и идти навстречу продуктам. К обеду двинулись по просеке к реке Яй. И тут стало все ясно. Пока мы работали, почти каждый день лили дожди. Маленькие ручейки, которые мы легко перепрыгивали, когда шли к месту работы, превратились в бурные реки, теперь их надо было переходить вброд по пояс или даже по грудь, а порой и сооружать плот, чтобы их преодолеть. В таких условиях подвезти нам продукты на лошадях было невозможно.

Надо сказать, что купленные на рынке сапоги дорого мне обошлись. Два месяца я почти ежедневно ходил с мокрыми ногами. На левой стопе образовались незаживающие язвы и начали меня тревожить всерьез. Дошли до реки. Она превратилась в мощный поток, по которому плыли коряги, сучья. Кусты, где были спрятаны наши лодки, затоплены и оказались чуть ли не посередине этого потока, до них не доберешься. А значит и лодки, если они сохранились, достать нельзя. Оставалось только одно — развести костер и ждать. Должны же о нас вспомнить. Под вечер услышали голоса. Потом всплески от весел. Появилась лодка, которая с трудом пробивалась между кустами вверх по течению.

— Эй, на лодке! Подъезжайте сюда!

В ответ — отборный мат. Это было так неожиданно, что мы сначала оторопели, а потом возмутились. Я схватил ружье, заложил жаканы и, не целясь, выстрелил в сторону лодки. Хорошо, что никого не задело. Но свист жаканов оказался, по-видимому, настолько внушительным, что на лодке закричали:

— Что вы делаете? Убьете — отвечать будете.

— Подъезжай сюда.

Подъехали. В лодке трое.

— Вы кто такие? Почему не хотели подъезжать, когда люди просят?

— Так ведь не знаем, что вы за люди. А у нас задание срочное, нам надо продукты доставить в отряд нашей экспедиции. К Сергееву.

Продуктов было не так много. В записке от начальника экспедиции говорилось, что доставка продуктов вьюками невозможна и работы временно прекращаются. На следующий день мы тремя лодками пересекли озеро Кизи и прибыли в Мариинское.

Военный врач осмотрел мои ноги, назначил лечение и сообщил начальнику экспедиции, что в таком состоянии в тайгу меня больше посылать нельзя. Пришлось задержаться в Мариинском. Но нет худа без добра. Если бы я не задержался на базе, я не встретился бы с одним из отрядов экспедиции по выбору трассы БАМа. Этот отряд рассматривал вариант трассы, выходившей к озеру Кизи, от которого Татарский пролив отделялся перешейком всего в семь километров, а само озеро имело длину более ста километров и соединялось с Амуром. К сожалению, в памяти у меня не сохранились фамилии участников отряда.

Наступил 1933 год. Мы съездили в отпуск в Москву, вернулись в Хабаровск и стали готовиться к новой экспедиции.

В 1933 году штаб ОКДВА (Особая краснознаменная дальневосточная армия) поставил перед нашим трестом задачу выполнить топографическую съемку по границе с Китаем. К тому времени японцы захватили Манчжурию и создали марионеточное государство Манчжоу-Го во главе с императором Пу-И. Обстановка на границе изменилась. На противоположном берегу Амура в открытую строились казармы для размещения японских солдат. Естественно, что возникла необходимость строительства оборонительных сооружений на нашей стороне. А для этого нужны были топографические карты разных масштабов. Их не было. Задачей нашей экспедиции и было восполнить этот пробел.

Первоочередным районом съемки была территория между реками Вира и Биджан, находящаяся против устья Сунгари — большого притока Амура, на котором стоит Харбин.

Незадолго до этого была создана Биробиджанская еврейская автономная область. Административным центром ее был объявлен поселок Тихонькая, который переименовали в город Биробиджан. Идея создания Еврейской автономной области заключалась в том, чтобы удовлетворить желание некоторых евреев иметь свою автономную территорию. По этому поводу много писали в печати. Евреи стали переселяться в Биробиджан. Но в большинстве своем это были городские жители — парикмахеры, продавцы, бухгалтеры и др. Сельским хозяйством, охотой, рыболовством продолжали заниматься коренные жители этого края — амурские казаки. Их быт до революции, события Гражданской войны хорошо описаны в романе Седых «Даурия».

Среди амурского казачества также произошло резкое расслоение, как и среди донского. Часть казаков поддержала советскую власть, другая — сражалась на стороне белогвардейцев и вместе с ними ушла за границу, в Китай. Многие жили недалеко от границы, на другом берегу Амура, каким-то образом поддерживали друг с другом связь. В 1933 году, когда в этом районе проходила паспортизация, часть казаков, выступавших в свое время против советской власти или поддерживавших связи с родственниками, находящимися за границей, паспорта не получила. Это означало депортацию их за сто километров от границы. Для пребывания в приграничной полосе требовался специальный пропуск. Присутствие в полосе 500 метров от границы без разрешения рассматривалось уже как нарушение границы.

Мы с Шурой были зачислены топографами в партию Маманцева. В глазах девятнадцатилетних пожилые люди кажутся старыми. Но думаю, что Маманцев действительно был старик. Походка у него была старческая, шаркающая. До революции он занимал крупный пост в русской армии — был начальником топографической службы в Манчжурии и имел чин генерал-лейтенанта. О себе Маманцев не любил говорить, но много рассказывал интересного о военных топографрах, работавших на Дальнем Востоке. За день до нашего отъезда, когда мы получали документы для работы в погранзоне и в том числе в 500-метровой по-

лосе, Маманцева в списках не оказалось. Разрешение на работу ему выдано не было: он остался в Хабаровске. Исполнение обязанностей начальника партии временно возложили на меня.

На этот раз мы ехали пароходом от Хабаровска вверх по течению до базы нашей экспедиции, которая находилась в селе Ленинском. В составе экспедиции было пять-шесть партий. Наша партия должна была заснять несколько планшетов стотысячного масштаба. База находилась в селе Биджан, на берегу реки. Аккуратные домики утопали в садах. В больших огородах росли подсолнухи, кукуруза, картофель, тыква и другие овощи. Земля была хорошая, и все росло буйно. В огородах шныряли фазаны, и крик их по утрам «ке-ке-ке» раздавался чуть ли не под окнами.

Ближе к Амуру Биджан образует широкую пойму, прорезанную протоками. В них среди многочисленных островов нелегко было разобраться. Южной границей нашей территории был берег Амура, северная доходила до хребта Даурский и терялась в залесенных сопках. Большая часть нашей территории составляла обширную долину Амура, в значительной степени занятую уже в то время колхозными полями. В общем, район для топографической съемки был отличный. Хорошо выраженный рельеф, малая залесенность, много дорог, возможность использовать лодки при съемке на пойме, большие населенные пункты. О такой местности топограф может только мечтать.

В партию входило несколько топографических отрядов, которые возглавляли лица, окончившие топографические техникумы, но были и студенты, присланные на производственную практику. Из нашего Московского топографического техникума выпуска 1932 года помимо меня и Шуры были из нашей группы Дуня Тараканова и из параллельной — Шалва Шаутидзе. Дуня приехала в Хабаровск весной 1933 года под впечатлением наших рассказов.

Мы выгрузились с парохода в Ленинском. Наняли подводы, погрузили на них инструменты, вещи и уехали сами. Пятьдесят километров пройти пешком тяжело.

Хозяин подводы, на которой ехала Тараканова, потребовал, чтобы она слезла с подводы и шла пешком. Она отказалась. Вспыхнула ссора, во время которой подводчик стал угрожать Дуне. Та отвечала ему очень резко. Пришлось мне вмешаться и обещать хозяину подводы заплатить дополнительно за проезд пассажирки. На этом как будто все и успокоилось.

В Биджане несколько дней мы устраивались по квартирам, нанимали рабочих, проверяли инструменты. Потом приступили к рекогносцировке участков, к установке вех. Мне как исполняющему обязанности начальника партии пришлось побывать во всех отрядах. Приехал я и к Дуне. Ее планшет захватывал пойму Амура и Биджана и состоял из сплошных островов. Стояла чудесная летняя погода. Кругом все зелено. Много цветов. Ничего похожего на мрачную тайгу района озера Кизи.

— Как я рада, что к вам приехала. Вот благодать-то, — говорила Дуня.

Я убедился, что она хорошо ориентируется на своем участке. Мы распрощались. Меня подбросили на лодке до места, где находилась моя лошадь, и я верхом уехал

в Биджан. Кстати говоря, вот когда пригодились навыки верховой езды, полученные в детстве. Был случай, когда пришлось в день верхом сделать около ста километров. Чуть лошадь не загнал, а сам чувствовал себя прекрасно.

Часа через три после того, как я вернулся в Биджан, к дому, где мы с Шурой жили, подкатила пароконная подвода. Еще из окна увидели, что лошади мокрые, а с подводы спрыгивает и бежит рядом один из рабочих отряда Таракановой.

- Нашего начальника убили!
- Когда?
- Да как только вы уехали.
- Кто?
- Не знаю.
- А где она сейчас?
- В деревню отвезли.
- Садись на подводу. Гони в деревню.

В деревне мне представилась ужасная картина. Девушка, которую я несколько часов назад видел живой, веселой, лежала в крови с простреленной головой. Пуля вошла в затылок и вышла в висок.

Не буду останавливаться на том, как шло следствие. Было установлено, что после того, как мы простились, Дуня подъехала к другому острову. Вышла на берег. Увидела «релку» (так местные жители называли возвышенности в пойме) и послала на нее двух рабочих поставить очередную вежу. Третий рабочий остался в лодке и стал удить рыбу. Дуня сняла кофточку, села на бережок и свесила ноги с обрыва. Ее светлые белые волосы были ничем не покрыты. Примерно в то же время с другой стороны острова причалил баркас, на котором ехали рабочие за дровами. Несмотря на то что это было начало лета и охота не была разрешена, один из рабочих выскочил из баркаса с ружьем посмотреть, нет ли косуль. По его словам, он увидел двух косуль и стал их скрадывать. Когда расстояние по его расчету стало небольшим, он пополз. Приподнялся из травы — косуль не видно. Среди зелени увидел желтое пятно. Оно шевельнулось, это решило дело. Раздался выстрел. Рабочий в лодке оглянулся. Ноги Таракановой по-прежнему свисали с обрывчика, но сама она прилегла.

И вдруг раздается голос:

— Господи, я человека убил.

Рабочий в лодке вскакивает и видит своего родного дядю с ружьем.

— Слышь, паря, ты молчи, никому не говори, что это я ее убил, — сказал и побежал к баркасу.

Но паря рассудил иначе: дядя дядей, а ведь если не скажешь, тебя самого могут заподозрить. И он во весь дух бросился бежать навстречу двум другим рабочим, уже установившим вежу и спокойно идущим к лодке.

— Тараканову убили.

— Кто?

— Да эвон человек бежит. Догоняйте его, а я ее покараю.

Убийцей Дуни Таракановой оказался тот подводчик, с которым она поругалась по дороге в Биджан. Конечно, убийство это было непреднамеренное. К такому выводу пришел суд и приговорил убийцу к восьми годам заключения.

Ну, а Дуню мы похоронили далеко от ее родной Москвы. Похоронили с чувством какой-то вины перед

ней. Ведь это мы сагитировали ее поехать на Дальний Восток. Тяжелым ударом была ее смерть для нас, двенадцатилетних.

Работа началась неудачно, трагически неудачно. Но работать было надо. К тому же приехал военпред, в обязанности которого входили контроль за качеством нашей работы и ее приемка. Он был военным топографом по образованию и носил две или три «шпаль», то есть был для нас большим начальником. Худощавый, неутомимой энергии, он не только следил за качеством нашей работы, но и вмешивался во все организационные дела, правда, лишь те, которые, по его мнению, могли сказаться на качестве съемки. Так, он мне заявил:

— Мне нравится, как начинает работать ваша партия. Да, да, ваша. Нечего вам оглядываться и ждать, когда «настоящий» начальник партии придет. У вас уже дело пошло, и я дал телеграмму Ермакову (наш управляющий трестом): нового начальника партии присылать не надо, а надо вас утвердить в этой должности. Так что рассматривайте себя как человека, который будет сдавать мне работу. Думайте, что надо сделать, чтобы поставить на пустующие планшеты топографов.

На мои просьбы прислать еще двух человек ответ был категоричный: «Людей нет и не будет; обходитесь своими силами». Помог случай. Два топографа перешли в мою партию из соседней и приступили к работе.

Неожиданно возникла новая трудность. В Биджан приехал секретарь обкома, кажется, его фамилия была Геллер. За мной из правления колхоза прибежал посыльный.

— Слышь, паря, тебя самый главный начальник требует. Шибко сердит. Айда скорее к нему.

Для солидности я надел пистолет, полевую сумку, почистил сапоги и отправился с посыльным. Встретил меня Геллер сурово.

— Ты что же, решил вредительством заниматься? Хлеб колхозный вытаптывать? Десять лет захотел получить? Видите ли, они снимают! Девки на селе снимайте и карточки им дарите. А если хоть один человек по хлебу пройдет, не он, а ты под суд пойдешь. Все. Можешь идти.

— А ты, — обратился он к военному в форме войск ОПТУ, — проследи и мне доложишь.

— Но тогда мы не сможем выполнить задание штаба ОКДВА.

— Я сказал. Повторять не буду. Иди.

При всей моей неопытности я понял, что дело это серьезное. Верхом объездил все отряды, рассказал о полученном нагоняе и каждому отряду велел проводить работы там, где нет посевов. После этого поехал к военпреду с вопросом: что делать?

— Что делать? Съемку делать.

— Но ведь есть указание секретаря обкома.

— Ему разъяснят что к чему. Зря, конечно, топтать хлеб не надо. Главное, помни — качество топографических карт. Они могут нам, ой, как понадобиться.

— А если посадят?

— Не посадят. За это я отвечаю.

— Хорошо, я вам верю. Но про себя подумал: вот между двух огней попал.

— Да, кстати, — обратился военпред. — Вы хорошо проверили, как заснята пойма Амура? Очень сложный участок. Вам надо самому пройти вдоль всего бе-

рега в пределах своей партии. Советую попросить проводника в колхозе. Пойма Амура, что тайга — заблудиться можно.

Колхоз выделил мне уже пожилого казака, который согласился быть проводником.

— Вы винчестер с собой прихватите. А у меня собака хорошая.

— Зачем? Ведь охоты нет.

— Это у вас в Москве нет, а у нас завсегда охота. Да и на границе он может сгодиться.

Винчестер я взял. Целый день мы пробирались по протокам, пока не вышли в нужное место на берегу Амура. Пойма казалась безлюдной. Ни одного человека не встретили. Оставили лодку и пошли пешком вверх по течению.

Странное было чувство. Идешь, смотришь на другой берег и знаешь, что там уже другое государство. В одном месте к самой воде подходил массив тальника. Собака забежала туда. Залаяла. Раздалось хлопанье крыльев. И затем характерное для фазана, но какое-то сердитое, резкое «кэ-кэ-кэ».

Проводник зашептал:

— Фазан на дерево сел. Да ведь такое не часто бывает. Пойди в тальник, срежь его из винчестера.

И я пошел. Забыл, что я на границе, в 500-метровой полосе, что стрелять здесь категорически запрещается. Забыл обо всем, кроме того, что где-то рядом на дереве сидит фазан. Я увидел его. Он сидел на толстой ветке ивняка и, свесив голову вниз, отвечал на лай собаки своим «кэ-кэ-кэ». Выстрел был удачный, и красавец манчжурский фазан свалился на землю не разбитый, не потерявший своей красоты.

Заночевали мы на берегу Амура, на прирусловом валу. Я думал, что на выстрел придут пограничники. Но никого нет. Разожгли костер. Подумал: теперь уже обязательно придут. Никого. Проводник ловко выпотрошил фазана, зажарил его над костром на пруте, как на вертеле. Получилось очень вкусно. После ужина улеглись спать. Я достал из рюкзака легкий спальный мешок, а мой проводник прилег поближе к костру на дерюжке и прикрылся пиджаком.

— Ничего, мы привычные.

Утром встали вместе с солнышком. Опять целый день шли. Вечером были дома, в Биджане. А на следующее утро я узнал, что мой проводник арестован. При обыске у него нашли наган и фонарь со свечой.

Ко мне на базу зашел начальник заставы, молодой командир с тремя кубиками. Доверительно рассказал:

— Давно мы за ним следили. Были у нас сведения, что он хочет к белякам в Китай уйти. А вчера ночью засекли, что кто-то световой морзянкой просит с той стороны лодку. Но ответа не было. А потом узнали, что он у тебя в проводниках.

— Не я его себе подбирал. Первый раз его вижу. Колхоз мне его выделил.

— Знаю. Приехал новый председатель, никого не знает. Но ты счастливый. Если бы лодка подошла, он тебя скорее всего отправил бы на тот свет. Ты не говорил, что еще раз с ним пойдешь?

— Говорил, что он будет работать здесь с отрядом.

— А, тогда все понятно. Он тебя поэтому трогать и не стал. Надеюсь в следующий раз вызвать лодку. А фазана мы тебе простили, — засмеялся начальник

погранзаставы, — ты нам здорово помог своим выстрелом. Вот тебе премия за это, а то ведь у вас каждый патрон на учете. — И он дал мне пять винтовочных патронов.

Работа во всех отрядах протекала нормально. Один только отряд сильно отставал — Шалвы Шаутидзе. Он сам себе выбрал самый дальний северный планшет, почти весь состоявший из залесенных сопок. И не столько работал там, сколько охотился. Надо сказать, что Шалва в лесу, в горах ориентировался замечательно. Он всегда приходил на намеченную точку, и бывало, что по дороге ему удавалось подстрелить рябчика или еще что-нибудь на ужин. Но вот о его рабочих этого сказать было нельзя. Они обычно путались. В результате много времени тратилось непродуктивно.

Шалва был значительно старше меня, и поэтому я стеснялся ему делать замечания. Наконец, все же сказал, что прошу его больше так не делать.

На что Шалва отвечал:

— Понимаешь, друг, у себя в Грузии пять медведей убил. На Дальнем Востоке ни одного. Как вернусь домой?

Эти пять медведей стали притчей во языцех. О них знали не только все сотрудники нашей партии, но и все жители села. Кто верил, а кто нет.

Уже осенью от Шаутидзе пришел рабочий (а идти надо было двадцать километров).

— Шалва просит двух лошадей с вьючными седлами прислать.

— Зачем?

— А он трех медведей убил.

— Врешь!

— Нет, правда.

— Тогда поедем вместе.

Приехали к Шаутидзе. Оказалось, что действительно рабочий был неточен. Шалва убил медведицу и двух уже подросших медвежат.

Начальника соседней партии, которая вела съемку масштаба 1:25 000, призвали в армию. Полевые работы партия уже закончила, и оставались лишь небольшие недоделки. Приказом по экспедиции эта партия тоже была подчинена мне. Работы прибавилось. Встретили шестнадцатую годовщину Октября. Выпал снег. Начал устанавливаться лед на Амуре, а у военпреда возникал то один вопрос, то другой. Наконец, он объявил мне, что все хорошо, но что он просит проверить еще один участок поймы Амура. Опять пойма!

— Поезжайте сами, — сказал он мне, — и сделайте эту работу. За день можно обернуться, если пораньше выехать. На Амуре лед крепкий. Выходите прямо поближе к середине. Определите по методу Патенота свою точку стояния. А от нее мензурный ход по пойме вот до этой вехи.

С двумя рабочими на санях с инструментом мы приехали в намеченное место. Бросили лошади сено и втроем пошли по льду к середине реки. Идем, а я посматриваю — как бы не перейти эту середину. Ведь это граница! Наконец, определил свою точку стояния и стал работать. Пошел маленький снежок. Над инструментом раскинули большой зонт. Все это привлекло внимание китайских жителей, и они буквально усеяли берег, наблюдая за нашими действиями. В кипрегель хорошо была видна своеобразная одежда, шубы

с длинными рукавами и большие меховые шапки. Во дворах стояли скирды необмолоченной чумизы, и стаи фазанов летали от одной скирды к другой. Все это было так интересно, что рабочие то и дело просили меня дать посмотреть. Особенно удивляли летающие по дворам стаи фазанов. Обрато мы ехали на санях по своему же следу.

Через несколько дней военпред подписал акт о приемке всей работы двух партий на сумму более двух миллионов рублей. По тогдашним ценам это был огромный объем работы.

В Хабаровск мы возвращались через станцию Тихонькая. До нее доехали на грузовой автомашине, а дальше поездом. За работу в Биробиджане мне приказом по тресту была присвоена квалификация старшего топографа. Более высокой квалификации у топографов тогда не существовало.

В момент нашего возвращения в Хабаровск там проходила краевая партийная конференция. Мы узнали, что для делегатов конференции установлена прямая радиосвязь Хабаровск — Москва. В то время это казалось чудом. Я и еще двое моих товарищей решили во что бы то ни стало поговорить с Москвой.

Втроем мы отправились к уполномоченному Наркомсвязи по Дальнему Востоку и Сибири. Он принял нас. Мы рассказали ему, что только что приехали из экспедиции, давно не имеем сведений от родных, они тоже ничего не знают о нас, и мы просим его разрешения поговорить по радио вместе с делегатами краевой партийной конференции. Такое разрешение было дано. В радиостудию надо было явиться к трем часам ночи. В это время в Москве как раз был вечер, когда все дома.

В те годы будильник мне не требовался. Достаточно было приказать себе: проснуться в час тридцать ночи — и с точностью до пяти минут просыпался. В два часа ночи я вышел из дома. Улицы Хабаровска освещались плохо. Кругом никого. Мороз. По дороге надо было пересечь речку Чердымовку, сплошь застроенную китайскими хибарами. Над мостом горит фонарь и освещает две фигуры в длинных шубах и малахаях, которые стоят так, что пройти надо между ними. Страшновато. Но обошлось.

Пришел в радиостудию. Светло, много людей. Как будто и не ночное время. Дошла и до меня очередь. Сажусь рядом с оператором, надеваю наушники. Зажигается надпись: «Говорите». Называю номер домашнего телефона. В Москве его повторяют. В наушниках раздаются длинные гудки и затем голос отца:

— Слушаю.

— Папа, это я, Женя. Я говорю из Хабаровска по радиосвязи. Здравствуй.

— Здравствуй. Ты почему так долго не писал?

— Был в экспедиции. Теперь вот мы с Шурой и другими ребятами вернулись в Хабаровск. У меня и у Шуры все хорошо.

— Мама с тобой хочет поговорить.

— Хорошо. Будь здоров. Раздается мамин голос:

— Женя, Женя.

— Мама, здравствуй. Я слышу тебя.

— Женя, Женя, что же ты молчишь?

— Мама, я слышу тебя.

— Ну вот я и не успела поговорить.

— Мама, я слышу тебя.

Оператор говорит: «Все, связь прервалась. Слышимость стала односторонней».

Я расстроен. А в очереди еще больше нервничают: — Вы хоть немного да поговорили, а удастся ли нам — неизвестно.

После года работы нас снова потянуло в Москву. В этот раз мы с Шурой ехали в отпуск с твердым решением оформить там свой брак. Об этом мы и сказали своим родителям. 16 марта мы расписались в ЗАГСе Ленинского района г. Москвы. Мы «успели» в 1984 году отметить свою «золотую свадьбу» в ресторане «Прага». Тогда это было для нашего бюджета еще возможно. А тогда, в 1934 году, после ЗАГСа был просто чай с нашими родителями. Собрались самые близкие родственники. Посидели за столом, выпили и закусили.

Отпуск пролетел быстро, надо было возвращаться на работу. В Хабаровске как старых знакомых нас встретил Михаил Николаевич Беккер. Попыхивая трубкой, сказал:

— В этом году будем делать стотысячную съемку в районе Комсомольска и ниже по Амуру. Базу экспедиции создавать не будем. Все вы начальники партий, все будете прямо подчиняться тресту. Времени на полевой сезон остается мало. Надо укомплектоваться рабочими, получить оборудование и выезжать к месту работы.

— А как с техническим персоналом? Сколько будет топографов в каждой партии?

— Не будет технического персонала. Но ведь и каждая партия будет снимать по одному листу. Вот начальник партии его сам и заснимет. Исключение для Сергеевых. Их разлучать не будем. Но лист дадим ответственный, с Комсомольском.

И вот летом 1934 года нам предстояло работать в районе Комсомольска. В это время город усиленно строился. Вырубали тайгу. Вручную копали канавы, чтобы осушить территорию. Делали землянки. Строили бараки под общежитие. Ставили домики для инженерно-технического персонала.

Комсомольск был задуман как большой город, как один из промышленных центров Дальнего Востока. Для осуществления этих планов срочно нужны были топографические карты. Потому нас и торопили с выездом.

База нашей партии должна была находиться в деревне Верхне-Тамбовское, расположенной на правом берегу Амура, примерно в десяти километрах ниже Комсомольска. Выбрали мы себе под базу большой светлый дом. Это оказался дом бригадира осетровой бригады. Из окна виден противоположный берег. Там располагалась небольшая деревня, и домики казались игрушечными. Эта деревня была как бы моим вторым опорным пунктом. Колхоз выделил мне трех молодых парней, сильных, ловких, в общем, хороших парней. Выделил, и это было очень важно, две лошади под выюки. И, наконец, туда можно было сразу же забросить продукты, муку и не ездить за хлебом в Верхне-Тамбовское.

Все бы хорошо, но за поймой тянулись низкие сопки, сплошь покрытые тайгой. Видимость — хуже не бывает. Нужен проводник. И я обратился с просьбой в нанайский колхоз, находившийся в деревне Бельго. Члены правления, старики-нанайцы (гольды) выслушали мою просьбу, помолчали, покурили в раздумье трубки. И один, наконец, сказал:

— Однако, Егор Самар.

Снова помолчали. Перебросились между собой на родном языке и вынесли постановление:

— Будет проводник — Егор Самар.

— А когда будет?

— На рыбалке он. Поезжай в Верхне-Тамбовское. Завтра в обед он придет.

Кто из нас не зачитывался книгами Арсеньева, где так отлично описан Дерсу Узала. И он, и Арсеньев были моими любимыми героями. И вот завтра я встречу с Егором Самаром, которого можно назвать двойником Дерсу Узалы, хотя они внешне совсем, наверное, не похожи.

Поджидая, когда придет Егор Самар, я сидел на берегу Амура и любовался его величавой красотой. Из-за поворота показалась нанайская лодка, которая шла против течения. Лодку тащили две собаки, запряженные в лямки. Впереди совсем белая лайка с закрученным бубликом хвостом и стоящими ушками, вторая — черная.

На корме лодки невозмутимо спокойно сидел человек с трубкой во рту и направлял ход лодки веслом. «Ну, тут-то тебе придется выйти или самому начать грести», — подумал я, видя, как собаки приближаются к участку берега, где сплошь стояли лодки. Белая собака легко перепрыгнула первую лодку, за ней черная, и они побежали дальше. Так были преодолены несколько лодок, пока на одной из них веревка не задела торчащую уключину, образовав петлю. Собаки остановились. Человек в лодке что-то закричал. Собаки дернули. Человек опять закричал сердито. Тогда отпрыгнув назад, белая собака обежала вокруг лодки и тем самым сняла веревку с уключины, черная точно следовала вслед за ней. Пробежали еще метров двадцать, поравнялись со мной. Еще окрик. Они остановились. Лодка уткнулась носом в отмель. Из нее легко выпрыгнул пожилой человек.

— Здравствуй. Егор Самар. Вместе работать будем. Твой проводник.

Вот так ко мне пришел Егор Самар, мой Дерсу Узала. На Егоре была вельветовая шляпа, из-под нее выглядывал черный платок, которым была повязана голова, легкая курточка и брюки, заправленные в ичиги.

— Когда, начальник, в тайгу пойдём?

— Я тебя ждал. Зови меня Евгений Михайлович.

— Нет, начальник — проще. Ты меня — Егор, я тебя — начальник. Сегодня все сам посмотрю. Завтра пойдём. Скажи, куда пойдём, что будем делать?

Слушал, кивал и в заключение сказал:

— Это хорошо. Карта будет, проводника уже не надо. С проводником как маленький ходит. Нет проводника — сам себе хозяин. Хорошо, далеко ходить не будем. Далеко давно не ходил, забыл маленько. Вокруг Бельго сто километров все хорошо знаю.

Во время разговора я заметил, что у Егора на левом глазу бельмо.

— Егор, а что у тебя с глазом?

— А, давно было. Совсем молодой был. Весной по глубокому снегу на лыжах сохатого гнал. С сопки спускался, шибко ехал, сучком глаз проткнул. Ты не бойся, начальник, и с одним глазом по тайге пойдём. Все в порядке будет.

— Собак обеих возьмем?

— Нет, одного Бельчика. Черного отпустим сейчас, домой побежит.

— Как ты назвал собаку?

— Бельчик.

— Ах, Бельчик. Он действительно весь белый.

— Ага, Бельчик. В тайге хорошо видно. С одним глазом надо такую собаку иметь, чтобы хорошо видеть.

На следующий день наш отряд собрался уезжать из Верхне-Тамбовского на месяц. Перед отъездом Шура сказала мне, что у нас будет ребенок.

Территория, которую предстояло покрыть мензульной съемкой масштаба 1:100 000, оказалась еще сложнее, чем это представлялось. Поднимаешься на сопку — она вся покрыта лесом. Стоят высокие, толстые, ветвистые деревья. Ничего не видно. Залезешь на дерево — море леса. Пробовали пилить, рубить деревья, чтобы хоть отдельные просеки были, чтобы хоть какая-нибудь видимость была. На это уходило много времени, много труда, много губили леса, а эффект — минимальный. Вот тут мне пришла в голову мысль — поднимать мензулу на деревья, вернее, на помосты, которые сооружались на деревьях. Делали мы это так. Выбирали три рядом стоящих больших дерева, обрубали сучья. Наверху (на высоте около 10–15 метров) выбирали на каждом дереве по крепкому суку, примерно на одинаковой высоте. На веревках поднимали два бревна, укладывали их на выбранные сучья и прибивали гвоздями. Потом поднимали на веревках самодельные доски, клали их на бревна и тоже прибивали гвоздями. Получался треугольник, на который устанавливалась мензула. Затем на помост поднимался я, обвязывал себя вокруг пояса толстой веревкой, привязывался к одному из деревьев и начинал работать. Все это наше сооружение было делом очень рискованным. Деревья, лишённые сучьев, легко качались от ветра и от любого моего движения. Долго приходилось ждать, пока все успокоится и можно будет приступить к замерам.

Первое время было страшно, а потом чувство страха прошло, но зато как быстро стала продвигаться работа. На каждой точке вырубали всего два-три мешавших дерева. А какой кругозор открывался с 15-метровой высоты! Конечно, точность съемки была невелика. Но что было делать? Дать недостаточно точную карту на всю территорию или заснять по всем существующим требованиям маленькую прибрежную к Амуру полосу, где была хорошая видимость? Я считал, что лучше первое, так как пусть не точное, но будет общее представление о всей территории. А со временем, когда она будет осваиваться, будут выполнены более крупномасштабные исследования, которые дадут материалы необходимой точности. Уверен, что именно так все и было.

Ко мне приехал военпред познакомиться с ходом работы. Это был уже другой, новый для меня человек. Небольшого роста, в хорошо пригнанной военной форме, с бородкой лопаточкой.

— Здравствуйте. Как идут дела? Пожалуйста, покажите ваш планшет и исходные данные, журналы.

Все это я разложил перед военпредом. Он внимательно начал просматривать материалы и сразу же обратил внимание на высоту инструмента.

— У вас тут ошибка в высоте инструмента. Вместо 1,48 м написано 14,8. Как же вы не заметили, что инструмент приобрел высоту в 14,8 метра. Хотел бы я посмотреть, как бы вы стали наблюдать в такой инструмент.

— Нет, это не ошибка, — ответил я и объяснил в чем дело, методику своей работы.

Военпред слушал меня с недоверием.

— Едем на ближайшую такую точку.

— К сожалению, придется идти пешком. Верхом не проедешь. Тут всего около шести километров. Придется одну вьючную лошадь взять, чтобы самим не тащить мензулу, веревки и кое-какой инструмент.

Шесть километров — расстояние небольшое. Но, чтобы пройти его в тайге, поднимаясь в гору и помогая лошади, понадобилось более двух часов, хотя нас и вел Егор Самар.

Пришли мы на место. Стоит наш помост. Я говорю рабочим: «Поднимайте инструмент». Подняли на помост мензулу. Спустились вниз. Я полез. Обвязался веревкой, оторвался от дерева, сориентировал планшет. Проверил, как «бьют» видимые ориентиры. Спустился вниз. Говорю военпреду:

— Теперь ваша очередь. Можно подняться и проверить.

— Вы просто сумасшедший.

Но полез. Трудно лез, осторожно, может быть, впервые в жизни взбирался на дерево.

— Покрепче обвяжитесь веревкой.

Обвязался веревкой. Подошел к инструменту. А это действительно страшно — смотреть в кипрегель на такой высоте. Думаю, что мой проверяющий ничего в него не увидел. Наверное, мысль была только одна: лишь бы не сорваться.

Спустился военпред вниз.

— Нет, вы действительно сошли с ума. Работать на такой высоте. Там все дрожит, качается. Лишний шаг сделать нельзя. И это называется мензурная съемка! Предупреждаю, я ее буду активировать только как полуинструментальную.

— А что вы можете другое предложить?

— Предупреждаю, что я буду ее активировать как полуинструментальную.

— А я не возражаю. Активируйте, как хотите.

— Кто-нибудь разобьется — вы будете отвечать.

— Это тоже понятно.

Расстались мы недовольные друг другом. Егор режумировал так:

— Плохой начальник. Говорит — надо, а что надо — сам не знает.

Зато Шуриной работой военпред остался доволен. Там можно было контрольную точку выбрать почти в любом месте на земле. Проверка показала хорошую точность съемки.

Больше я с военпредом не встречался и даже не знаю, как он заактивировал нашу работу.

В Комсомольске мы были дважды. Один раз вместе с Шурой и двумя рабочими поехали посмотреть на будущий город. К тому же надо было купить кое-что из продуктов и выяснить, есть ли какие-нибудь крупномасштабные топографические материалы на территорию города. Начали мы с этого вопроса. Но оказалось, что все интересующие нас люди ушли на стройплощадку завода.

— Зачем?

— А сегодня срок настал: бутылки из земли выкапывать.

— Какие бутылки?

— С водой. Их закопали на разную глубину. А сегодня срок обратно выкапывать. Если вода замерзла в бутылках, значит, есть вечная мерзлота, а не замерзла — нет. Ну, а при вечной мерзлоте порядок строительства совсем другой. Всем интересно. Вот и пошли посмотреть, как бутылки будут откапывать.

Пока мы были в Комсомольске, погода резко изменилась. Подул холодный ветер с севера — «низовик». Ветер против течения сразу же вызвал на Амуре большую волну. Ехать обратно по такой волне было опасно. Сколько времени продержится такая погода — неизвестно. Ночевать негде. Продуктов нет. Решили ехать. Забрались в лодку и никак не можем отчалить от берега — волна прибывает. Наконец, оторвались от берега, и течение понесло нас на середину реки. Теперь и при желании вернуться на берег было уже трудно.

Лодка была у нас нанайская, но большая, на две пары весел. Рабочие гребли. Шура сидела на днище, а я на корме рулил. Этому делу я научился еще на озере Кизи. Идет волна на лодку — режь ее носом, ни в коем случае не давай ударить в борт; при таком положении лодку и залить, и перевернуть может. Взобрались лодка на волну — можно ее поставить в нужном направлении, прошла она несколько метров, подходит новая волна — снова поворачивай лодку к ней носом, снова режь волну и так далее. Лодка таким образом идет все время зигзагами. Волны были большие. Когда лодка проваливалась между ними, казалось, что ничего, кроме воды и неба, не существует. Обернувшись назад, чтобы посмотреть, как далеко мы отъехали, я к своему удивлению увидел, что на берегу толпится народ. Некоторые махали нам руками, шапками. Что это было — пожелание счастливого пути или призыв вернуться назад? Раздумывать некогда было — приближалась новая волна.

Все шло хорошо. Скорость течения в этом месте пять километров в час. Хотя встречный ветер снижал ее, можно было надеяться, что через два-три часа мы доберемся до Верхне-Тамбовского. Больше всего брызг доставалось мне. Промок я, как говорят, до костей. И встречный холодный ветер бьет прямо в лицо. Чувствую, что замерзаю, трясет как в лихорадке.

— Ребята, кто может порулить. А мне бы веслами помахать, немного согреться. Замерзаю.

Один говорит: «Не могу», другой тоже. А Шура: «Женя, да разве можно сейчас пересаживаться, мы же перевернемся. Потерпи, пожалуйста».

Наконец, пристали к Верхне-Тамбовскому. Я как сидел, согнувшись, так в той же позе и дошел до нашей базы. Вошел в дом. Хозяйка увидела.

— Михалыч, да что с тобой?

— Замерз.

— Ах, грех какой. На-ко, выпей, — и подает мне стакан водки. — Лезь скорей на печь. Покройся овчиной.

И, как в тумане, слышу Шурин голос:

— Лезь, Женя, лезь.

Залез на печь, подрожал еще какое-то время, заснул. Чувствую — жарко, а проснуться не могу. Потом уже ничего не чувствовал. Проснулся утром. Все хорошо. В доме никого нет. Спрыгнул с печи, вышел во двор, а там хозяин дрова колет.

— Э, брат, пароход проспал. Да твоя жинка молодец, деньжат дала. Так что бутылочку пятидесятише-

стиградусной я там прихватил. Ну, как, паря, под осетринку тяпнем?

Второй раз я побывал в Комсомольске после двухнедельного пребывания в тайге. Пришли мы изрядно грязные и небритые. Все на нас внимание обращают. Замечаем, что встречные как-то франтовато выглядят — в костюмах, начищенных ботинках, чистых рубашках, а некоторые даже галстуки надели.

— В чем дело?

— Да сейчас девушки приезжают! Целых три парохода! По призыву Хетагуровой, «хетагуровки». Будем вместе работать, семьи себе создадим. Без семьи как проживешь! Айда на пристань, сейчас пароходы должны прийти.

Встречали с духовым оркестром. Радостно махали руками и ребята на берегу, и девушки на палубах. Ребята пробивались поближе к трапу, чтобы лучше рассмотреть сходящих девушек, познакомиться, «захватить» их вещички и тем самым как бы и самих девушек. В общем, это был радостный день для Комсомольска. Ну, а нам, нашему отряду, снова надо было возвращаться в тайгу, на комара. Кстати, о комарах. Переносились они уже легче. Возможно, в организме появился иммунитет, не было того зуда, не опухало так лицо.

Егор Самар не любил сидеть на одном месте. Пока мы строили мост, «отрабатывали точку», он обычно уходил на охоту, а то и просто на денек-два домой. Не было его с нами и в этот раз. Лагерь наш был под сопкой, на вершине которой сооружен мост. Мне хотелось закончить работу до темноты. Слез я с помоста и принялся за вычисления и записи. Рабочие сняли и опустили инструмент.

— Идите в лагерь. Я вас догоню.

Минут через двадцать пошел и я. Стало смеркаться. Я прибавил шаг. Хоть и под гору, но особенно быстро не пойдешь — бурелом. Неожиданно слева от меня в кустах что-то заворчалось и шумно вздохнуло. Посмотрел — большой медведь. Стоит от меня в нескольких шагах, голову повернул в мою сторону и смотрит на меня. Пистолетик у меня был с собой, но против медведя это не оружие. Сознаюсь, здорово перетрусил и, забыв про бурелом, бросился вниз бежать что было сил. Слышу сзади треск. Оглянулся — нет медведя, и треск затих. На следующий день я специально разыскал место нашей встречи и убедился, что медведь испугался еще больше, чем я: следы «медвежьей болезни» остались.

Егор сказал:

— Сейчас медведь не тронет, весной может. Однако хорошо, что не медведица с медвежатами. Тогда тебе бы, начальник, от нее не уйти.

Под конец работы произошел неприятный эпизод. За лошадьми у нас ухаживал рабочий, который только что освободился из заключения, бывший колхозный конюх. Ухаживал он за ними с любовью, от себя хлеб отрывал, лишь бы угостить лошадей посоленной горбушкой. Шел последний месяц работ. Кончились продукты, и я послал Кузьмина за провиантом в деревушку километров в десяти от нашего лагеря. Он оседлал обеих лошадей, сел на крупного серого жеребца, а послушного гнедого мерина за узду привязал к задней луке седла.

На следующий день Кузьмин не вернулся. Прошел еще день. Места себе не нахожу. Егор говорит:

— Оставим балаганы и айда все в деревню мыться.

— Ну, что же, завтра утром пойдем.

Утром ушли. На половине пути Бельчик стал подавать знаки — люди. Прижимался к Егору, скалил зубы, но при этом радостно повизгивал, совсем не так злобно, когда подходили незнакомые люди в тайге.

— Однако это наш идет, — сказал Егор и закричал: — А-га-га-га-га. Иди к нам, не бойся.

Через несколько минут к нам подошел Кузьмин. Подошел и тут же опустился на землю, сбросив с плеча перевязанный мешок с хлебом и продуктами.

— Что случилось?

— Лошади утонули.

— Как утонули?

— Доехал я до заездка нормально. (Нас отделяла от деревни протока, соединявшая озеро с Амуром, перегороденная частоколом, около которого, когда начинался спад воды, накапливалась рыба, ее коллективно вылавливали и солили впрок на зиму. Это и называлось «заездок».) Смотрю, лодка на той стороне заездка. Привязал жеребца и полез по частоколу за лодкой. Долез до серединки. Жеребец заржал. Это он кобылу увидел на той стороне. Рванулся, оборвал повод и прямым ходом к ней. А мерин, привязанный, за ним тащится. А тут, как на грех, кобыла еще голос подала, позвала его. Жеребец прямо с обрыва в воду, узда потащила за собой мерина. Мерин на жеребце, барахтаются, только брызги летят, и потонули оба. Я скорей в деревню. Людей на помощь зову, объясняю, как было. Помогли мне, вытащили лошадей, да ведь они уже дохлые. Тут кто-то сказал: «Мясу-то чего же пропадать. Ишь его сколько». И начали лошадей рубить на мясо. Сейчас в каждом доме уже третий день мясо и варят, и коптят. А отвечать-то мне придется. Я сразу хотел хлеба взять да к вам идти. А председатель колхоза говорит: «Нет, не пушу. Навредил и сбежать надумал. Сейчас уполномоченного ОПТУ вызову. Он тебя, голубчика, сразу заберет». Приезжал уполномоченный, акт составил, но не забрал. Сказал: «Разберемся, а он пока пусть в тайгу хлеб отнесет».

К счастью, никто не был обвинен во вредительстве. Дело кончилось тем, что колхоз представил нашему тресту счет, по которому требовал возместить стоимость лошадей по рыночной цене.

Настала пора уезжать в Хабаровск. Шура тоже давно закончила свою работу. При взгляде на нее каждому было ясно, что она готовится стать матерью. Пришел пароход, погрузили наши вещи. Пока плыли до Комсомольска, все вокруг было знакомое, все исхоженное. Посмотрели с парохода на Комсомольск. Больше в нем мы не бывали, а если бы сейчас туда попали, то вряд ли узнали, ведь прошло более полувека.

В Хабаровске нас ждали новости. Наш трест превратился в отделение, а отделение треста, находившееся во Владивостоке, — в трест. Чтобы уволиться, теперь надо было ехать из Хабаровска во Владивосток. А возвратиться в Москву мы решили твердо. Вместо двух лет работали на Дальнем Востоке почти три года. Дальний Восток с его бесконечными просторами мы полюбили. Но у нас должен был появиться ребенок, и мы понимали, что нам, двадцатилетним, в это время лучше быть поближе к родителям. Вернулись в Москву 14 января 1935 года. 15 января родилась дочь Нина. 🌐